

Серия «Пальмовая ветвь»

П И Т Х Э М И Л Л

Снег в августе

РОСТОВ-НА-ДОНУ

«Феникс»

2023

УДК 821.111(73)-311.4
ББК 84(7Coe)
КТК 611
Х99

PETE HAMILL
«Snow in August»

Хэмилл П.

Х99 Снег в августе : роман / Пит Хэмилл ; [перевод с английского Андрея Коломыйцева]. — Ростов н/Д : Феникс, 2023. — 350, [1] с. — (Пальмовая ветвь).

ISBN 978-5-222-34782-9

Этой книге суждено стать классикой, и она представляет собой путешествие в мир, полный чудес. Одиннадцатилетний ирландский подросток и пожилой еврейский раввин, бежавший из Праги, встречаются в послевоенном Бруклине. Магия их отношений пронзительна и захватывающе трогательна, несмотря на то, что жизнь и того и другого находится под угрозой.

УДК 821.111(73)-311.4
ББК 84(7Coe)

Эта книга — вымысел. Имена, персонажи, места и инциденты являются плодом воображения автора либо используются в вымышленном контексте. Любое сходство с реальными событиями, местами либо людьми, как живыми, так и умершими, является случайным.

*ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ моему брату Джону
и ПАМЯТИ Джоэля Оппенгеймера, который
услышал крики: «Янкель! Янкель! Янкель!»
на летних трибунах стадиона в 1947 году*

Вера же означает, что мы уверены в том, на что надеемся, она означает, что мы верим в то, что некоторые вещи существуют, хотя мы их и не видим.

Ер. 11: 1

Еврей не может прожить без магии.

Пословица (идиш)

1

Однажды холодным и лучезарным субботним утром в пригородном поселке на южных склонах Бруклина, где сплошь дома, фабрики и трамваи, в полной темноте проснулся мальчик по имени Майкл Делвин.

Ему было одиннадцать лет и три месяца, и до конца 1946 года оставалось меньше недели, а поскольку он спал в своей комнате столько, сколько себя помнил, темнота не была для него чем-то таинственным или пугающим. Ему не нужно было видеть красный деревянный стул, стоявший перед подоконником: он точно знал, что стул находится именно там. Он знал, что его зимняя одежда висит на крючке, приделанном к двери, а все три хорошие рубашки и чистое исподнее аккуратно сложены в двух выдвижных ящиках низкого зеленого комода. Он был уверен, что книжка комиксов о Капитане Марвеле, которую он читал, пока не заснул, лежит на полу у узенькой кровати. И он знал, что как только он включит свет, то поднимет книжку и положит ее в общую стопку на верхней полке металлического шкафа у двери, где лежали все остальные комиксы о Капитане Марвеле. Затем он резким движением поднимется, задержав дыхание, чтобы не продрогнуть в ночном белье, схватит одежду и направится туда, где тепло, — на кухню. Именно так он и поступал в каждое темное зимнее утро своей жизни.

Но это утро оказалось иным.

Свет — вот в чем все дело.

В его комнате, что на верхнем этаже многоквартирного дома № 378 по Эллисон-авеню, было одновременно и темно, и светло: в синих тенях посверкивали мельчайшие

серебряные блески. Лежа в кровати, Майкл видел бледное сияние по ту сторону окна за темной шторой и резкие полосы света по бокам от нее. Он лежал под несколькими одеялами, и глаза его наполняла эта яркая темнота. Это божественный свет, подумал он. Свет Фатимы. Или такой, как в раю. Или во всяких магических местах, про которые читал в книжках. И вдруг ему пришло в голову: это что-то вроде света в Пещере семи смертельных врагов человека. Это тайное место из комикса, куда человек без лица в черной одежде взял с собой Билли Бэтсона, чтобы встретиться там с египетским волшебником по имени Шазам. Точно: мальчик-газетчик, должно быть, увидел там примерно такой же свет. Там, внизу, за тоннелем подземки, в длинной каменной пещере, где белобородый волшебник сообщил ему магическое слово, которое вызывало молнию. Ту самую молнию, что превращала мальчика в Капитана Марвела — самого сильного человека в мире.

Майкл знал, что магическое слово было в то же время именем волшебника — Шазам! А в книжке он прочел, что составлено оно из первых букв имен Соломона, Геркулеса, Атласа, Зевса, Ахиллеса и Меркурия. Это античные боги и герои. Ну, кроме Соломона, царя-мудреца библейских времен. Каждый из них символизировал что-то свое: силу, выносливость, власть, храбрость или скорость. Но это не просто имена из книжки с комиксами: Майкл нашел их и в энциклопедии. Капитан Марвел позаимствовал свои способности у каждого. Той ночью в таинственной пещере волшебник по имени Шазам сказал Билли Бэтсону, что именно его выбрали на роль борца с силами зла, поскольку он был чист сердцем. И какими бы злобными ни были его враги, каким бы страшным ни было их оружие, способ побороть их был: надо только выкрикнуть единственное магическое слово: «Шазам!»

Увы, сколько бы ни старался Майкл вместе со своими друзьями, но в его округе магическое слово не срабатывало, и они уже три года кряду спорили о том, почему так

происходит. Возможно, все дело в том, что слово должен был сообщить лично волшебник-египтянин. А может быть, они не были достаточно чисты. Или, как сказал его друг Сонни Монтемарано, Капитан Марвел — всего лишь персонаж какого-то сраного комикса. Но Майкл продолжал настаивать на том, что все это может происходить и в действительности. Кто знает... Может быть, все, что им нужно, — это твердо верить в то, что такое бывает.

В реальность Майкла вернул звук ветра. Вначале это было завывание на низких нотах. Затем высокий визг. Несколько тромбонов, а затем саксофон-сопрано. Оркестр Томми Дорси, потом Сидни Беше. Он знал эти имена и музыку из радиопрограмм. Майклу показалось, что звук исходит от света. Сердце забилося сильнее, и он сел, не понимая, который час, и перепугавшись, что проспал, и спустил ноги на пол. Под ногами оказалась книжка комиксов о Капитане Марвеле.

«Так не хочется идти, — подумал он. Порою роль алтарного служки в храме казалась ему невыносимым бременем. — Я мог бы просто валяться в кровати и слушать завывания ветра. Вместо того чтобы переться в собор Святого Сердца — нести всякую белиберду на языке, на котором никто даже не разговаривает. Вот бы мне сейчас упасть в теплую постель, натянуть на себя одеяла и дрыхнуть».

Но он не нырнул снова в тепло. Он представил себе разочарованное лицо своей матери и сердитый взгляд отца Хини. Хуже того — он почувствовал тревогу за то, что едва не впал в грех лени. Даже Шазам предостерегал от лени, относя ее к числу семи смертельных врагов человека, а ведь он даже не был католиком. Даже само это слово звучало отвратительно, и он вспомнил картинку из энциклопедии с изображением животного ленивца. Пухлый, косматый, гадкий. Он представил себе, как такое животное размером с Кинг-Конга вразвалочку шлепает по городу, источая вонь, лень и звериное дерьмо. Грязный, поганый гигантский ленивец, в него стреляют из пулеметов тридцать восьмого калибра,

но пули бесследно исчезают в волосатой массе его тела, и он разевает слюнявую пасть. Господи Иисусе!

Поэтому Майкл даже не стал поднимать черную штору. Он схватил свои брюки, подумав: наверное, антоним к слову «леность» — «самопожертвование». Или «движение». Или слово, которое означает «подними свою задницу, встань и иди». В то время, когда святые отцы, братья и монахи не вдавливали им в головы синонимы-антонимы или таблицу умножения на одиннадцать, они постоянно талдычили о самопожертвовании. Именно поэтому он, застегивая ширинку в темноте, отказал себе в удовольствии отодвинуть штору или хотя бы подвернуть ее, чтобы открылся источник этого лучистого света. Это может и подождать. Он отгонит от себя видение. Он лучше пожертвует своим комфортом, как этого требуют его учителя, ради тех душ, что страдают в чистилище. Будь хорошим. Будь чистым. Потерпи боль и тем самым искупи грехи тех, кто стораец в адском пламени. В его голове зазвучали холодные приказы наставников по катехизису — так явственно, будто бы он слышал Шазама.

Без рубашки и босиком он поспешил через темную гостиную мимо двери маминной спальни на кухню, выйдившую окном на нью-йоркскую гавань. За ночь уголь в печи прогорел и погас, и ступням было холодно на линолеуме. Но его это нисколько не тревожило. Вот сейчас-то он не сможет себе в этом отказать. Он поднял кухонную штору, и сердце мальчика екнуло.

Вот откуда шел свет.

Снег.

Он все еще падал на крыши и во дворы Бруклина.

Снег был таким глубоким, плотным и всепокрывающим, что весь мир будто бы утонул в его ослепительной белизне.

От такого вида аж мурашки пошли по коже. Снег шел уже два дня и две ночи — в первый день крупными белыми хлопьями, а затем жесткими мелкими снежинками, которые приносил ветер из гавани. Мальчик никогда не видел ничего подобного. Ни разу. Он помнил шесть из своих

одиннадцати зим, но такого снега он припомнить не мог. Такой снег он видел только в кинолентах про Юкон, что крутили в кинотеатре «Венера». Это было похоже на арктические снежные бури в романах Джека Лондона, которые он ходил читать в библиотеку на Гарибальди-стрит. Такой снег служил убежищем для волков, накрывал автомобили, расплющивал сараи и не давал проехать трамваям. Этот снег заваливал лавинами входы в золотые шахты и ломал ветви деревьев в Проспект-парке. Снег, принесенный могучей бурей. Вчера вечером по радио сказали, что метель парализовала город. Так и вышло, и наутро снег все еще продолжал падать, стирая этот мир с лица земли.

Он вошел из кухни в узкую ванную, закрыв за собой дверь. Плитка оказалась холоднее, чем линолеум. Его зубы застучали. Он пописал, дернул цепочку слива, умылся в раковине холодной водой, продолжая думать: я выйду туда, встану лицом к буре, чтобы взобраться по буграм, пойду против штормового ветра и дойду до собора, что на холме. Отец Хини, ветеран войны, будет служить восьмичасовую мессу, и я буду там, при нем. Я буду единственным человеческим существом, которое одолеет бурю и придет. Даже старушки в черном, странные старые тетки, которые приходят в собор и в жару, и в ливень, — даже они не смогут прийти в бурю. Скамьи останутся пустыми. Свечи будут дрожать в холоде. Но я буду там.

Сердце забило еще сильнее, когда перед ним замаячила перспектива большого испытания. Ему было уже не до душ, что в чистилище. Ему хотелось приключений. Как было бы круто, если бы внизу поджидала собачья упряжка. Тогда он мог бы закутаться в шкуры, поднять кожаный хлыст и приказать собакам гнать вперед, покрикивая: «Пошли, парни, пошли!» У него в сумке сыворотка, и, ради всего святого, он должен доставить ее в Ном.

Он расчесал волосы, а когда вышел из ванной, Кейт, его мама, выгребала золу из печи; она была закутана во фланелевый халат, а на ногах коричневые шлепанцы. Из ее рта

в холодный воздух выходила струйка пара. На чугунной плите в ожидании тепла стоял чайник.

— Мама, давай я это сделаю, — сказал мальчик. — Это ведь моя работа.

— Нет, нет, ты уже умылся, — сказала она с легким ирландским акцентом и ноткой раздражения в голосе. Уборка золы была одной из обязанностей Майкла, но он пришел в такое возбуждение из-за метели, что забыл это сделать. — Иди одевайся.

— Я уберу, — сказал он, отобрал у нее совок и принялся выгребать золу из поддона. Он ссыпал золу в бумажный мешок, и в воздух поднялся серый пепел, смешиваясь с паром от его дыхания. Затем он забросил на колосники уголь из ведра. От пепельной пыли он чихнул.

— Оденься, Майкл, ради бога, — сказала она, отодвигая его в сторону. — А то замерзнешь тут насмерть.

Вернувшись в свою комнату на другом конце квартиры, он натянул через голову фуфайку, а сверху — темно-зеленую рубашку, которую заправил в брюки. Надев на ботинки галоши, он наконец поднял плотную штору. Напротив окна на решетке пожарной лестницы лежал слой снега не меньше чем в пару футов толщиной. За крутым заносом снег клубился, будто туман, такой плотный, что другую сторону Эллисон-авеню не было видно вовсе. Он заторопился и вернулся на кухню. В печи уже пылал уголь, запах его отдавал тухлыми яйцами. Жаль, что мама не может покупать синий уголь, рекламу которого он видел в «Шэдоу»; тот был тверже — как говорили в школе, «антрацит» — и почти без запаха. Однажды мама сказала ему, что они не могут себе это позволить, и он больше не задавал вопросов на эту тему.

— Если хочешь, можешь остаться дома, Майкл, — сказала она уже несколько раздраженно. — Они ведь знают, что тебе далеко идти.

— Я дойду, — сказал он, расчесывая волосы и решив не напоминать маме о том, что от дома 378 по Эллисон-авеню

до собора восемь кварталов ходу. Со двора раздавался такой звук, словно выла сразу тысяча волков.

— И все же, — сказала она, заваривая чай, — это слишком дальний путь для такой бури.

Вслед за нею он взглянул на часы: семь двадцать пять. Время еще есть. Он был уверен, что она взглянула еще и на фотографию его отца, висевшую на стене в рамке. Томас Делвин. Майкла назвали в честь маминого отца, давным-давно умершего в далекой Ирландии. Фото его собственного отца висело рядом с портретом президента Рузвельта, вырезанным мамой из журнала «Дейли ньюс» после того, как президент умер. В голове мелькнула мысль: о чем мама думает, когда смотрит на портрет его отца? Мальчик немного помнил о человеке, которого она называла Томми. Он был большим и темноволосым, с небольшой жесткой бородкой, и он ушел в армию, когда Майклу было шесть лет. Больше он не вернулся. На фото, снятом в студии, он был в военной форме. Кожа на его лице выглядела гладкой. Намного глаже, чем это запомнилось Майклу. Волосы были скрыты под фуражкой, но по бокам были светлее, чем мальчик помнил. Он помнил эти каштановые волосы. И глубокий голос с резким ирландским акцентом. И синий воскресный костюм, и черные ботинки. И песню о зеленых долинах Антрима. И истории про собаку из его ирландского детства, пса по имени Стики, который мог разгонять лодку, опустив в воду хвост, и взлетать выше гор. Мама наверняка помнила о нем больше. Мальчик знал, что его отец погиб в Бельгии прошлой зимой, и подумал: метель напоминает ей о том, что Томми Делвин был найден мертвым в снегу далеко-далеко от Бруклина. Возможно, в этом и есть причина ее раздражения. Это не из-за меня — бездельника. А из-за снега.

— Напрасно ты не поел, — сказала она, отхлебывая чай; Майклу она чаю не предложила, поскольку знала, что до того, как он отслужит мессу, есть и пить мальчик не будет.

— Мне еще причащаться, мам.

— Отслужи и бегом домой. Будет яичница с ветчиной.

Обычно по утрам перед мессой ему очень хотелось и есть, и пить, но возбуждение, испытываемое им из-за бури, взяло верх. Он вытащил драповое пальтишко из шкафчика у двери.

— Шапку-то надень, — сказала она.

— Мам, ну есть же капюшон, в нем тепло, правда. Не волнуйся.

Она сняла с сушилки накрахмаленный стихарь, завернула его в оберточную бумагу и заклеила скотчем. Майкл открыл дверь на лестницу, и мать поцеловала его в щеку. Пройдя половину лестничного пролета, он оглянулся — она смотрела ему вслед, сложив руки, со стены за спиной улыбался ее муж, а рядом с ним висел мертвый президент Соединенных Штатов.

Жаль, что она так печалится, подумал он.

И понесся, прыгая через три ступеньки, по лестнице — на улицу, навстречу буре.

Когда мальчик шагнул из подъезда в то, что Джек Лондон называл «белым безмолвием», он почувствовал резь в глазах. В первые секунды после того, как он очутился на улице, снег показался ему даже не белым; здесь, в центре вихря, все вокруг было серым, словно в толще ледяного кристалла. Или в мертвых глазах слепого Пью из «Острова сокровищ». Майкл заморгал — его веки дергались сами собой, а от холода глаза наполнились слезами. Он потер глаза, чтобы сосредоточиться, холодные слезы растеклись по щекам. Он все тер и тер — и наконец прозрел. И единственное, что он увидел, был снег, яростно гонимый ветром.

Он сунул руки в карманы пальто. Перчаток там не оказалось. Черт. Он вспомнил, что оставил их сушиться у керосинового обогревателя в гостиной. Вязаные шерстяные перчатки, правая — с дыркой на указательном пальце. Подумал: поднимусь и возьму. Нет. Это отнимет время. И я опоздаю. Мне нельзя опаздывать. Жаль, что у меня нет часов. Буду держать руки в карманах. Если замерзнут, буду считать, что принес их в жертву.

И он пустился в путь, держа под мышкой обернутый в бумагу стихарь и засунув руки в карманы пальто. В своем квартале на Эллисон-авеню, среди трехэтажных домов, он был хоть как-то защищен от ветра, и мальчик неуклюже пробирался по образовавшимся у стен сугробам, жалея, что у него нет валенок. Пока он прищуривал глаза, чтобы лучше видеть, в голову пришла фраза из Джека Лондона: «Единственная частица живого, передвигающаяся по призрачной пустыне мертвого мира» — и мальчика охватило возбужде-

ние. Все это призрачная пустыня. Все это мертвый мир. А он — единственная частица живого.

Снег полностью завалил стоявшие вдоль улицы авто. Утонул в снегу и газетный киоск перед конфетной лавкой Словацки, в которой впервые на его памяти не горел свет. Витрины всех окрестных лавок тоже были темными, а у входных дверей лежали сугробы. Ни огонька не было и в баре Кейсмента, где портье по имени Альфред обычно намывал полы перед тем, как открыть заведение для посетителей. Никаких признаков трамваев, уличного движения вообще, даже следов пешеходов. Где-то вдали выли волки. Может быть, там, впереди, он встретит Мэйлмюта Кида. Или Ситку Чарли. Разведет костер на замерзшем берегу озера Ле Барж. Там, впереди, были суровые бары Доусона. И перевал Чикут. И утерянный путь в Золотой каньон. Здесь, на Эллисон-авеню, Майкл Делвин ощутил себя таким же, как многие персонажи тех историй, — единственным человеком на Земле.

Однако ему не было страшно. Он был алтарным служкой уже три года, и дорога к собору Святого Сердца была ему знакома не меньше, чем обстановка квартиры, из которой он только что вышел. Воют волки, дует ветер, не видно неба. Но опасности нет, думал он. Здесь мне ничто не угрожает.

Когда он миновал столовую Пита на углу Коллинз-стрит, ветер взял его в оборот. Непростой ветер — яростный, воющий, пытающийся оторвать улицу от гавани, обозленный на землю, выплескивающий свою злобу на ее могучие деревья, гордо стоящие дома и чахлах людишек. Ветер поднял мальчика в воздух, обрушил вниз и завертел, гоня по открытой ледяной коркой улице. Одной рукой обхватив стихарь, другой Майкл пытался хоть за что-нибудь зацепиться, но вокруг был лишь заледенелый снег.

Он катился, пока не уткнулся в оранжевый столб пожарной сигнализации.

— Святы́й боже, — сказал он вслух. — Святы́й боже.

Он втянул в себя воздух вместе со снежными иглами, и нос забился льдом. Если он и поранился, ему было слишком холодно, чтобы понять, какую часть тела он мог повредить. Все еще сжимая стихарь, он проехался на руках и коленках, упершись в конце концов в пожарный ящик с подветренной стороны, — и съезжился вниз, где ветер не был таким сильным. Ничего не болит. Все цело. Он исподлобья огляделся и понял, что ветер прогнал его через все шесть полос Эллисон-авеню. Он увидел тяжелую неоновую вывеску над входом в салун Непобедимого Джо — она болталась на проводе, качаясь и трясясь от ветра, и временами билась о стену здания. Но Коллинз-стрит отсюда не была видна, даже табличка с номером дома, где располагалась стикбольная площадка. Все было белым и диким. Затем он увидел, что его пальто занесло снегом, и вспомнил, что персонажи из юконских преданий всегда замерзали до смерти, если оставались неподвижными либо засыпали. Они укладывались с собаками, хватались за волков — лишь бы согреться. Или вставали и шли. Я должен встать, подумал он. Если не встану, помру к чертям собачьим. Майкл засунул стихарь под пальто и заткнул за ремень. Затем побежал, пригибаясь к земле.

Двигаясь против ветра, он пересек Коллинз-стрит и вцепился в забор фабрики «Юниверсал лайтинг». Здание возвышалось над ним, будто ледяная гора над Клондайком — одна из опасных вершин, на которых люди гибли зимой и тонули весной, их тела смывало в реку Юкон. Черные прутья решетки жгли его руки холодом, и он испугался, что кожа может прилипнуть и оторваться. Но этого не произошло, и он, перебирая руками, хватался за забор и шел, пока не скрылся от нещадно колотившего его ветра.

На Корриган-стрит он сделал все точно так же: опустил голову, пригнулся к земле, упал, опять поднялся, и все снова — пока не добрался до лавок, где не было ветра. Вдалеке, кварталах в трех, он заметил очертания трамвая. Фары горели, но он стоял неподвижно. Высоко над улицей трепыхались провода, по которым к трамваям подавался ток; они

были натянуты, словно тетива лука. Майкл задержался под вибрировавшим козырьком кинотеатра «Венера», глядя на афиши фильмов «Четыре пера» и «Ганга Дин». Он просмотрел каждый из них как минимум по три раза и сейчас пытался вызвать в памяти картинки теплой Индии или безбрежные африканские пустыни с кучерявыми фази-вази, атакующими из облаков пыли, и изнывающими от жары британскими солдатами. От этих картинок ему стало лишь холоднее. И впервые за все это время он испугался.

Мне нужно идти, подумал он. Зайти за угол и подняться по Келли-стрит, пройти мимо арсенала, мимо еврейской синагоги, пересечь Мак-Артур-авеню и у парка повернуть направо. Я должен сделать это сейчас же. Пусть мне в спину дует ветер. Я должен идти. Не только потому, что должен служить мессу. Нет. Причина куда серьезнее. Если я поверну обратно и приду домой, я буду паршивым трусом. Никто не увидит, что я повернул вспять и убежал домой. Но я-то буду это знать.

Он повернул за угол на Келли-стрит. Слева виднелись трехэтажные дома, справа — горбатые силуэты запаркованных авто, а вокруг него, под ним и над ним слышался тонкий, рвущий уши визг, дикий бессловесно-волчий клич ветра, который врывался в него, поднимал его вверх и швырял вниз, гнал мимо возвышавшихся над ним сугробов, которые намело над стоящими автомобилями. Визг был настойчивым и беспощадным. «Кто ты такой, Майкл Делвин, — вопрошал этот голос, — чтобы тягаться со мной?»

Он посмотрел вверх и увидел перед собой преграду. Гигантский вяз упал на землю, перегородив двор перед одним из домов. Дерево рухнуло по ветру, смяв изгородь, проломив крышу стоящего возле авто и дотянувшись до противоположной стороны улицы. Ветви его вздымались к небу, словно протестуя. Мертвый ствол заносило снегом. Стекла разбитой машины рассыпались, и снег занес сиденья. Мальчик подумал: если бы это дерево упало не на машину, а на меня, я бы погиб.

Святой боже.

Он протиснулся сквозь рыхлый, по пояс, снег между двумя автомобилями, пересек улицу, перерезанную убитым деревом, и добрался до торца здания арсенала. На убежище не тянет. За окнами в решетках располагался боксерский ринг, дюжины старых джипов и нацгвардейцы, которых в народе называли «воскресными воинами». Но стены возвышались над улицей шестью запретными этажами, и при этом ни одной двери, куда можно было бы войти. Мальчик заметил, что медные водостоки арсенала оборваны. Высоко над землей сквозь их распоротые швы свисали иглы гигантских сосулек, бросивших вызов ветру. Они были толстые и мускулистые, не меньше фута у основания, и острые, как копья, внизу. Майкл Делвин вспомнил фотографии сталактитов из энциклопедии — те были серыми и мертвыми, и сосульки выглядели столь же примитивными, древними и зловещими. И все они целились прямо в него.

Он оторвал взгляд от сосулек и поплелся дальше, в который раз пожалев о том, что у него нет наручных часов. «Похоже, что прошло уже несколько часов с тех пор, как я вышел из дома, — подумал он, — а может, и минут. Я действительно не знаю, а буре вообще время неведомо». Он подумал: вот же идиотизм. А что, если церковь окажется закрытой? Что, если отец Хини взглянет на эту бурю и примет решение отслужить мессу в одиночку, не выходя из дома? Что, если электричество отключат и алтарь останется без освещения? А что, если упадет еще одно дерево или сосулька-монстр — и прямо на меня? Без всякого предупреждения. Никто не крикнет: берегись, паренек! Это просто случится, и все. И он останется лежать в сугробе, и рядом ни собаки, ни друга, ни кого-нибудь из лагеря старателей. Маме придется меня похоронить, и она останется в полном одиночестве. Или я стану калеккой, обузой для нее и всех остальных. В одном из рассказов Джека Лондона старатель сломал себе ногу в бурю и его лучшему другу пришлось последовать закону тропы — выстрелить ему в голову. Иначе погибли бы оба.

Сторонясь громоздящихся снежных куч, Майкл представил своего отца в снегах Бельгии. Немцы тогда убили много американцев в сражении, которое называли Битвой за выступ. Несколько тысяч. Он видел отца одетым по полной форме, в каске и тяжелых ботинках, с ружьем в руках, а снег несся еще сильнее, чем в эту бурю в Бруклине, и завывал ветер, и где-то в слепящей буре поджидали проклятые немцы: может быть, совсем близко, как Мак-Артур-авеню, как синагога. Невидимые. Скрытые. Готовые убить. Думал ли Томми Делвин о том, чтобы повернуть вспять и убежать домой? Конечно нет. Он не был поганым трусом. А был ли с ним его друг? Или он был один в тот момент, когда его подстрелили и его красная кровь пролилась на белый снег? Онемели ли у него руки и ноги, прежде чем он был убит? Плакал ли он? Слышал ли волчий вой? Думал ли о маме? О квартире под крышей дома на Эллисон-авеню? А о синем костюме? А думал ли он обо мне?

И вдруг Майкл Делвин услышал голос.

Человеческий голос.

Это был вовсе не ветер, а первый настоящий голос, который он услышал после того, как покинул дом.

Он остановился и принялся вглядываться в пустынный мир вокруг.

А затем сквозь косую снежную пелену он увидел человека, который выглядывал из двери синагоги на Келли-стрит. Человека с бородой. В черной одежде. Прямо как тот, кто окликнул Билли Бэтсона из темного вестибюля подземки. Человек размахивал руками, делая знаки Майклу.

— Привет, привет! — кричал бородатый мужчина, будто бы он находился намного дальше, чем через улицу. — Привет... — Будто совсем издалека, из другой страны.

Майкл оставался на месте. Мужчина все подзывал его к себе.

— Привет, пожалуйста, — умолял человек. — Не могли бы вы подойти...

Голос звучал как-то по-стариковски, смягченный падающим снегом. Голос прямой и указующий, будто заклинание. Майкл все еще стоял на месте. Это была синагога, таинственное здание, в котором евреи поклонялись своему богу. Майкл проходил мимо сотни раз, но, кроме как субботним утром, двери почти всегда оставались закрытыми. В каком-то смысле это здание не принадлежало округе — в том смысле, в котором ее частью был собор Святого Сердца, и кинотеатр «Венера», и бар Кейсmenta. Синагога возвышалась своими тремя этажами над улицей Келли, но Майклу всегда казалось, что на этот угол она однажды упала посреди ночи, прилетев издалека.

Но это было еще не все. Для Майкла синагога всегда была чем-то откровенно пугающим, будто бы за ее закрытыми дверями совершаются тайные ритуалы, а может быть, и страшные преступления. И, наконец, на Элисон-авеню каждый мог подтвердить, что евреи убили Христа. А если они оказались способны убить сына Божьего, то что же они могут сотворить с обыкновенным ребенком посреди бруклинской метели? Майкл на секунду представил себе, как бородатый мужчина связывает ему руки и запихивает в печь или замуровывает в стену, как того парня в «Бочонке Амонтильядо». Он представил себе заголовок в «Дейли ньюс» — МАЛЬЧИК ПРОПАЛ ВО ВРЕМЯ БУРИ. И двинулся было дальше.

Бородатый человек снова позвал его:

— Пожалуйста.

Майкл остановился. В том, как человек произнес простое слово «пожалуйста», ему послышалась какая-то особенная нота. Это был звук страдания. Будто бы вся его жизнь зависела от того, что сделает Майкл. В этом слове была и боль. И печаль. Может быть, бородатый мужчина был просто бородатым мужчиной, взывающим о помощи. И вовсе не агентом дьявола. Словно они вдвоем оказались посреди бездорожья Арктики — две частицы живого в призрачной пустыне мертвого мира.

Если я уйду, подумал Майкл, то по одной лишь причине — из-за трусости. Мэйлмют Кид не ушел бы. И Билли Бэтсон тоже. Черт, а ведь если бы Билли Бэтсон убежал от человека в черном костюме, он никогда не превратился бы в Капитана Марвела. И мой отец Томми Делвин не убежал бы. Даже от тысячи проклятых нацистов. И уж точно — от человека, который просил о помощи таким тоном.

Мальчик перешел через улицу, с трудом удерживаясь в равновесии, увидел сквозь вихри стену синагоги и с усилием направился к боковому входу. Он разглядел лицо бородатого человека. Под тяжелой черной шляпой обнаружили голубые глаза, скрытые за толстыми линзами очков в роговой оправе. Нос его был небольшим, отчего большой казалась борода, куда больше, чем на самом деле; она выглядела так, будто вырезана из куска дерева. Борода была темной, в ней попадались ржаво-рыжие и седые волоски, но мальчик так и не понял, сколько человеку лет. Тот стоял в дверном проеме в наброшенном на плечи темном твидовом пальто. Вся остальная его одежда была черной.

— Пожалуйста, — сказал он. — Я есть рабби. Пожалуйста, нужен помощь. Вы можете дать мне помощь?

Напрягаясь от страха, Майкл сделал к нему шаг. Внезапно ветер стих, словно переводя дыхание. Мальчик посмотрел на бородатого мужчину, заметил его грязные ногти и мятые обшлага твидового пальто — и снова подумал о том, не кроются ли за всем этим мрачные тайны синагоги.

— Видите ли, рабби, я...

— Один минут это занимать, — сказал рабби.

Майкл пытался подобрать слова, дрожа от страха, любопытства и холода.

— Я алтарный служка в соборе Святого Сердца, — сказал он. — В католическом, понимаете? И я опаздываю на восьмичасовую мессу, и...

— Даже не один минут, — сказал рабби. — *Битте*. — Он запахнул пальто. — Пожалуйста.

Майкл бросил взгляд на неосвещенную прихожую за его спиной. Стены были обшиты деревянными панелями высотой футов в пять, увенчанными узким карнизом. Остальная часть стен была выкрашена краской кремового цвета. Больше ничего он разглядеть не смог. Мальчик подумал: а что, если он окажется Свенгали, бородатым типом из кино, который умел гипнотизировать людей? Или Феджином из «Оливера Твиста», заставлявшим детей воровать и приносить ему краденое? Нет, его голос был не таким, как у тех мерзавцев. Ветер вновь разбушевался, будто бы настаивая на чем-то. Между прочим, подумал мальчик, я всегда могу столкнуть его с лестницы. Или сбить с него очки. Пинком распахнуть дверь. Или коленкой под яйца. Одно лишь неверное движение — и рраз! Представляя эту расправу, он наконец уговорил себя побороть страх.

— Ладно, — вдруг сказал Майкл. — Но давайте по-быстрому. Чего вы от меня хотите?

Бородатый человек широко распахнул дверь, и Майкл ступил внутрь, внезапно почувствовав тепло, поскольку ветер остался позади. Вниз вели три ступени. Мальчик нерешительно стоял на верхней.

— Немножко света — это хорошо, да? — сказал рабби, показывая рукой вокруг.

— Ну, наверное.

— Там, — сказал рабби. — Видите?

Майкл спустился на ступеньку ниже и всмотрелся сквозь полумрак в стену справа. В панель был врезан выключатель. Рабби сделал нервный жест рукой, будто бы включая свет. Но до выключателя он не дотронулся.

— Это нужно включить? — спросил Майкл.

Рабби кивнул:

— Да, ведь... это... темно или нет?

К Майклу вдруг вернулась осторожность.

— А почему бы вам не включить свет самому?

— Это... нельзя, — ответил бородатый человек, будто бы подыскивая подходящее слово. — Сегодня *Шаббат*, понимаете, и — ну, это ведь просто, нет? Всего лишь...

Он махал рукой в воздухе, чтобы показать, как просто это сделать. Майкл сделал вдох, шагнул вниз и щелкнул выключателем. Зажегся плафон на потолке. Они были в небольшой прихожей, в дальнем конце которой три ступеньки вели вверх — к следующей двери. Кремовая краска потолка была вся в трещинах и осыпáлась. Мальчик медленно вдохнул. Никакой бомбы не взорвалось. Не опустился железный занавес, чтобы сделать его узником. Внизу не открылся люк, через который он упал бы в темницу. Выключатель оказался просто выключателем. Рабби улыбнулся, обнажив желтые неровные зубы: судя по виду, он был доволен. Майкл чуть расслабился и согрелся.

— Спасибо вам, спасибо, — сказал рабби. — *Аданк*¹. Очень хороший мальчик вы есть. *Дубист зейер гут харцик*²... Очень хорошо.

Затем он показал на карниз, что над деревянными панелями.

— Это вам, — сказал он. — Пожалуйста, взять. Для вас.

Там лежала, тускло поблескивая в свете плафона, монета в пять центов.

— Нет, это было нетрудно, не нужно...

— Пожалуйста.

Майкл вновь забеспокоился, заторопился, ведь ему предстояло пройти сквозь метель еще четыре квартала. Он взял монету и сунул ее в карман пальто.

— До свидания, — сказал мужчина. — И спасибо вас.

— Пожалуйста, рабби.

Мальчик открыл дверь и ринулся в бурю, почувствовав себя выше, сильнее и храбрее.

¹ Спасибо (*идиш*).

² Ты очень добрый (*идиш*).

Отец Хини выглядел так, будто он сам предпочел бы сегодня остаться в постели. Венчик нечесаных седых волос в сочетании с кустистыми черными бровями и небритыми щеками наводил на мысли о рассеянности и небрежности. Лишь его глаза выдавали человека, послужной список которого тянул на героя — по крайней мере, по мнению Майкла и кое-кого еще из алтарных служек. Глаза были заплывшими больше обычного, отчего Майкл представил его в роли командира японской подводной лодки, который шпионит на УСС. Это не было полным абсурдом: он слышал от других священников, что отец Хини был армейским капелланом в Северной Африке, Сицилии и Анцио; он воевал и в Германии под командованием генерала Паттона. В Битве за выступ он не участвовал, однако, когда Майкл спросил его об этом, он сказав, стиснув зубы, что знал кое-кого, кто там погиб. Ни в своих проповедях, ни по утрам в ризнице отец Хини не говорил о войне. Но Майкл был уверен: война нависала над ним, словно черная туча. В конце концов, еще и двух лет не прошло с того момента, как он в последний раз соборовал умирающих солдат.

Вообще-то темы, от которых отец Хини воздерживался, не сводились к одной лишь войне. Он молчал почти обо всем. По утрам перед мессой он редко что-либо говорил мальчикам-служкам, но в это утро он оказался особенно молчаливым. Когда Майкл, запыхавшись, появился в 8:10, он лишь закричал. Кричал он и в ответ на извинения за опоздание. Затем с тем же звуком он головой показал мальчику, что настало время выйти в алтарь.

Клирик предпочитал читать мессу очень быстро, будто диктор на ипподроме, и другие алтарные мальчики пошучивали, что он торопится вернуться к своей бутылке. Майкл никогда не видел, чтобы он пил, и даже запаха виски от него не улавливал. И в это арктическое утро святой отец остался верен своему стремительному и нетерпеливому стилю. Он галопом вычитал мессу в пустой холодной церкви, в то время как Майкл тщетно пытался перейти на шаг. Обычно алтарных служек было двое, но напарник Майкла не пришел из-за метели, и Майкл читал все реплики на латыни в одиночку. В один из моментов отец Хини оборвал Майкла посередине предложения, в другой — пропустил целый кусок латинского текста. Словно слова древнего ритуала оказались избыточными по сравнению с тем, что он хотел сказать. Майкл таскал по всему алтарю тяжелый миссал в кожаном переплете. Делал все положенные ему манипуляции с вином и чашей. Пока священник бормотал перед табернаклем с установленной над ним гипсовой статуей истекающего кровью Христа, Майкл пытался молиться за своего отца, покоящегося в бельгийской могиле, и за души, что в чистилище, и за голодающих Европы и Японии. Но его грудь распирало лишь намерение, и молитвы так и не превратились в слова. Помешал отец Хини, все силы бросивший на то, чтобы прийти к финишу. Клирик осенил крестом огромное темное пространство собора — и не стал читать проповедь. А где-то там, наверху, содрогался и трещал под напором ветра шпиль римско-католического собора Святого Сердца Иисуса.

После мессы Майкл вспомнил страдальческий тон бородатого человека — то, как звучало у него «пожалуйста». И решил, что рабби был в отчаянии. Ему нужен был Майкл, чтобы включить свет; иначе бы он страдал весь остаток дня. В его голосе была неприкрытая боль. И эта боль не имела отношения к выключателю. Это была какая-то другая боль. Его личная. Его, рабби, еврея.

И тут он услышал: «Domine non sum dingus»...¹

А затем шепот отца Хини: «Внимательнее, мальчик мой. У нас двое посетителей».

В тот момент, когда святой отец должен был преподать Святые Дары, у ограды алтаря неожиданно возникли две старушечьи фигуры в черном, по отдельности появившиеся из громадной, скрипящей от ветра темноты. Майкл быстро поднял золотое блюдо-патену и пошел вслед за отцом Хини к ограде и коленопреклоненным женщинам, удивляясь: как они сюда добрались? Неужели осилили пургу, которая сбивала меня с ног? Может, их кто-нибудь подвез? Или живут рядом. Бормоча латинские слова и держа левой рукой золотую чашу-дароносицу, отец Хини положил по кусочку причастного хлеба на каждый из высунутых языков, а Майкл подставлял патену под подбородки причащающихся. Это было необходимо, чтобы ни единый кусочек хлеба, превращенного в тело Христово при освящении Даров, не упал на отполированный до блеска пол.

Глаза первой женщины были большими и будто бы стеклянными, напоминающими глаза зомби из кино. Другая закрыла глаза, словно не желая беспардонно пялиться на священную белую вафельку. У второй на подбородке была бородавка, из которой, словно из картофельного глазка, проросли седые волосы. Хлеб они употребили одинаково: каждая сомкнула губы, но не челюсти, чтобы образовать во рту некое подобие пещеры. Ведь действительно, жевать причастный хлеб — это все равно что жевать Иисуса. Кланяясь в знак уважения и благодарности, обе встали и вернулись на темные скамьи, чтобы провести в молитвах время, пока хлеб размокнет и его можно будет проглотить.

Затем Майкл преклонил колени на алтаре, и отец Хини положил и ему на язык кусочек причастного хлеба. Майкл не стал закрывать глаза, лишь прищурился. Он видел толстые пальцы клирика, желтые от сигарет. И вспомнил гряз-

¹ Господи, я не достоин (*лат.*).

ные ногти рабби. И подумал: может быть, водопроводные трубы в синагоге замерзли и полопались, как водостоки на арсенале, и он сидит без воды. А может, ему нельзя мыть руки. По той же причине, по которой нельзя включать свет. Однако помощь ближнему значится в катехизисе как проявление милосердия, не правда ли? Даже если он, рабби, еврей. Все равно это должно засчитываться. Ты ведь должен помочь нуждающемуся. Нищему. Больному. Он ведь выглядел нищим, не так ли? И ему нужен был кто-то, чтобы включить свет. По какой-то таинственной причине. Запрещено, мол... Загадка произошедшего в синагоге стала занимать его еще больше после того, как он проглотил размякший хлеб. Рабби не был Свенгали. Не был он и Феджином. Но он был странным и таинственным, как герой какой-то книжки, бородатый хранитель секретов. И Майкл подумал: я хочу знать, что это за секреты.

Наконец месса была окончена. Отец Хини побормотал: «*Ite, missa est*»¹, и Майкл ответил ему: «*Deo gratias*»², и клирик шагнул с алтаря, а Майкл последовал за ним. В ризнице, где стоял мраморный столик и керамическая раковина, отец Хини начал снимать свои облачения: казулу и пояс, амис и альбу. Подо всем этим у него оказался бежевый свитер-водолазка и черные брюки. Его черные ботинки были в пятнах от высохшей соли. Он вздохнул, достал из кармана брюк пачку «Кэмел» и чиркнул деревянной спичкой о подошву ботинка. Глубоко затынулся. В воздухе запахло табачным дымом.

— Спасибо, молодой человек, — сказал он, задвигая глазами под оплывшими веками. — А кстати, как ты умудрился добраться сюда утром?

— Пешком, святой отец.

Святой отец глубоко затынулся и выпустил идеально ровное колечко дыма.

¹ Изыдите, месса окончена (*лат.*).

² Возблагодарим Господа (*лат.*).

- Да ну, пешком? Сколько кварталов?
- Восемь.
- Неудивительно, что опоздал, — сказал падре, подняв брови. — Помолись за души, что в чистилище.
- Уже, святой отец. Уже помолился.
- Надеюсь, ты включил в список и меня, — сказал клирик без тени улыбки. А затем схватил свою армейскую шинель и вышел наружу, чтобы пересечь заснеженный двор и оказаться дома.

А Майкл сделал еще не все, что должен был. Поскольку месса была последней в этот день, он вернулся в алтарь и затушил обе свечи штуковиной на длинной ручке, которую служки называли «святой гасильник». Старухи уже ушли. Похоже, что они вознеслись в темноту, как восковой дым от свечей, которые он затушил медным колпачком гасильника. Глядя в темноту, он представил себе стропила, полные дымных старух с волосами, растущими из подбородков. Их там сотни. Тысячи. Их шепот — итальянский, польский и латынь, и всё о покойных мужьях и умерших детях. Будто состарившиеся ангелы, которым не позволено умереть. Он ощущал их запах — запах свечей.

Майкл быстро сошел с алтаря, преклонил колена и вернулся в пустую ризницу. Он снял через голову стихарь, повесил подризник в шкаф и переделался в уличную одежду. Прежде чем уйти, он выключил свет в алтаре и убедился, что лампы не горят. А затем сверху, из темноты, он услышал стон ветра. И через стон прорывался голос: «Пожалуйста, — слышалось ему. — Пожалуйста, нужен помощь».

В тот день в белом завывающем мире, пока мама отработывала свою смену медсестрой в больнице Уэслиан, Майкл Делвин пребывал в одиночестве в гостиной, валяясь на линолеуме у керосинового обогревателя. Под голову он подложил сложенную вдвое подушку. Рядом лежала стопка комиксов о Капитане Марвеле. После своего возвращения с мессы, долгожданной яичницы с ветчиной и маминого ухода на работу он занялся поиском выпуска, где рассказывалась история первой встречи Билли Бэтсона с Шазамом. Точнее, он нашел эту историю в пересказе: у него не было драгоценного первого номера журнала «Уиз комикс», выпущенного давным-давно, когда война еще только началась. В этом пересказе, сделанном для спецвыпуска книжки о Капитане Марвеле, человек в черном костюме присутствовал, но он натянул на лицо шляпу для маскировки. И ничем, кроме черных одежд, не напоминал ни рабби с Келли-стрит, ни волшебника Шазама. Волшебник был намного старше, с белой, а не черной бородой, и одет он был в длинный развевающийся плащ. Рабби был моложе, более плотно сложен, а голубые глаза и роговые очки делали его похожим скорее на школьного учителя с Дикого Запада, чем на египетского волшебника. На кого-то, кто учил грамоте Авраама Линкольна.

Через некоторое время Майкл отложил в сторону Капитана Марвела и принялся читать книжку комиксов под названием «Преступление будет наказано» — об ужасном убийце Элвине Карписе, его кровавой истории и еще более кровавом конце. Этот комикс заставил Майкла испытывать совершенно иные чувства, чем от Капитана Марвела.

У Капитана Марвела кругом были заклинания, сумасшедшие ученые и говорящие тигры, пули отскакивали от груди, а герой, одетый в плащ с золотой каймой, мог летать по воздуху. Комикс о преступнике был полон настоящих гангстеров в реальных городах. Никаких плащей. Никаких волшебных слов. Просто грабежи, стрельба и убитые люди. Пули не отскакивали от груди, а пролетали ее насквозь, и никто не летал по воздуху над небоскребами. Эти комиксы были о мужчинах, которые когда-то были хорошими мальчиками из таких мест, как Бруклин, но кончили они плохо. Как люди из Корпорации убийств, Лепке как-его-там и Гурра. Красавчик Флойд. Диллинджер. Они умирали, попав в засаду. Они умирали на выходе из кинотеатра. Они умирали даже в снегу, как Томми Делвин погиб в Бельгии, но они не были героями. Они умирали даже не за свою страну. Умирали за деньги. Или за женщин.

Еще не добравшись до конца повествования об Элвине Карписе, Майкл обнаружил, что ветер прекратился. Он вслушался, опасаясь, что буря может преподнести неприятный сюрприз, но затем услышал стук лопат, которыми счищают снег с тротуаров, и понял, что все закончилось. Он так хотел поделиться новостью с мамой, но она несла вахту в больнице. Поэтому он оделся, схватил сухие перчатки и метнулся по лестнице вниз, чтобы найти кого-нибудь из друзей.

Сонни Монтемарано был уже там, пробуя снег своими большими руками в варежках. Его смуглое лицо сияло, глаза светились.

— Ты когда-нибудь видел такое? — спросил он.

— Никогда, — ответил Майкл. — На арсенале сосульки, похожие на космические ракеты.

— А мы не могли открыть дверь, — сказал Сонни. — Примерзла. Пришлось выпрыгнуть из гребаного окна.

— А меня утром ветром через улицу перебросило, — сказал Майкл. — Типа — я проклятое перышко.

— Никогда не видел ничего подобного. Вот же гребаная буря.

В углу кладбища стояла статуя мудреца, более высокая и внушительная, чем остальные памятники, суровая и грозная. Я спросил у переводчика, кто здесь похоронен. И он рассказал мне о големе, указывая на верхние этажи синагоги, где, как говорили, покоилось создание. Я сказал: «Боже, как жаль, что у меня не было голема, когда мне было одиннадцать лет».

Сказав это, я понял, что роман наконец родился.

Вот она, эта книга, действие которой происходит в до-телевизионные времена, когда наше воображение подогревали беседы за кухонным столом, книги, песни, случайные походы в кино и радиопередачи. Это было время, когда мальчишки еще верили в магические заклинания. Верили в то, что Билли Бэтсон говорит «Шазам!» и превращается в Капитана Марвелу. Верили в невероятные превращения из ирландских легенд и мифов, которые часто происходили от произнесения волшебных слов. Они могли услышать идиш и поверить тому, что это и есть утраченный ирландский язык кельтов. Они верили в тайный язык каббалы.

Повторю: это роман, а не научный труд. Но тема его весьма проста: сначала мы воображаем, а потом уже живем. Если здесь и есть какое-то назидание для молодежи, то оно таково: вообразите себе всю вашу жизнь, а не только молодость. Наслаждайтесь вашей молодостью, упивайтесь ею, но представьте себе и время, и жизнь, которые наступят, когда закончится субботний вечер. Нам не дано знать, как все сложится в дальнейшем, ну, разве что автор романа знает, чем закончится эта книга; ты думаешь, что знаешь, куда идешь, но вдруг раз — и внезапный поворот. Потому нужно иметь более полную картинку этого путешествия, иметь это сильно облегчающее жизнь чувство возможного и победного. Да, придется отклоняться от пути. Да, будут поражения. Могут случаться и трагедии. Но если мы не воображаем, то и не живем. Мы можем вообразить блестящую карьеру, великую любовь, очаровательных детей. Мы можем

представить себе миры, которые мы никогда не видели, миры далекого прошлого и миры ближайшего будущего. Мы можем представить себе Прагу времен сумасшедшего Рудольфа II и нарисовать в воображении Джеки Робинсона еще до того, как увидим его в игре.

Голем — победоносный символ, созданный человеческим воображением. В самых общих чертах: его история индифферентно повествует о силе разума, обогащенного моралью. Воображение позволяет нам противостоять ужасу и злу. В конечном счете воображение, словно огромный оркестр, позволяет сыграть свои партии и живым, и умершим — заявить силам зла то, что евреи повторяют и сегодня, спустя полвека после Холокоста: «Не видать вам победы. Вы можете нас убить. Можете оскорбить. Лишить всего. Но победа будет за нами. И мы еще спляшем».

СОДЕРЖАНИЕ

Снег в августе. Роман	5
Автор благодарит	341
«Снег в августе» — история создания	343

Литературно-художественное издание

Пит Хэмилл
СНЕГ В АВГУСТЕ

Ответственный редактор *Д. Кондратьев*
Художественный редактор *А. Яковлев*
Технический редактор *Г. Логвинова*

Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0. Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 05.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436ФЗ.